

Вѣра въ Бога, какъ всеблагаго міропродумателя и верховнаго міроправителя. (Опытъ теодицеи въ виду новѣйшихъ антитеистическихъ направлений философской и богословской мысли).

Вѣру въ всеблагаго божественнаго міропродумателя и верховнаго моральнаго міроправителя не мы одни имѣемъ; ее мы встречаемъ у всѣхъ народовъ древнѣйшихъ и новѣйшихъ; давно уже сошедшихъ съ лица земли и населяющихъ ее теперь; и во всѣхъ религіяхъ, когда либо существовавшихъ и существующихъ. въ религіяхъ не только высшихъ, божественныхъ, но и въ самыхъ низшихъ, несовершенныхъ, не только въ богооткровенныхъ—монотеистическихъ, но и въ натуральныхъ—политеистическихъ.—Даже почитаніе истребленія негровъ-детинистъ повлеченъ и молель своему предмету—личному либо животному, болту дереву, камню, вѣтви. что этотъ детинистъ можетъ такъ или иначе вліять на судьбу его; воспринять участь или поработить оудствомъ, т. е. представлять его промыслительною силою, правящею болѣе или менѣе широкимъ участкомъ въ мірѣ, знающею о нуждахъ и желаніяхъ его существъ. и некупиюся о блаженствѣ. Точно такъ и невообразимый восточный пастухъ-сабенистъ величественнаго небеснаго свѣтила и звѣзды представлялъ себѣ животное, обладающее разумомъ, сердцемъ и волею существа; не забывающаго въ его нуждахъ, желаніяхъ и замы-

слазь, способными слышать и выполнять его молитвы—о плодородіи пастбищъ, о многоплодіи стадъ и т. п., какъ было напр. у первобытныхъ народовъ Сиріи, Ханаана. Отчасти и у этихъ народовъ, но особенно у вавилонянъ, надъ всѣми звѣздными божествами получилъ съ теченіемъ времени верховную супрематію богъ неба или солнца Багъ или Ваалъ, котораго призывали въ молитвахъ, какъ верховнаго раздавателя и всякихъ благъ и всякихъ золъ, которому приносили дорогія жертвы съ одной стороны въ обезпеченіе его милосердія и щедротъ, а съ другой въ предупрежденіе его кары за неисполненіе или нарушеніе его непреложныхъ велѣній; для сей послѣдней цѣли въ Финикіи приносили ему долгое время даже человѣческія жертвы.—Цѣлыя сотни вѣковъ китайцы неизмѣнно видятъ въ голубомъ небосклонѣ (Тъень) всемогущаго и всеблагаго бога «высочайшаго владыку», «всевышняго господа (Шангги), отъ котораго, вмѣстѣ съ плодородіемъ, зависятъ всѣ земныя блага отъ котораго также судъ, правда, миръ и всякое добро между людьми, и которому безусловно повинуются въ управленіи міромъ всѣ низшія, второстепенныя божества—солнца и «небесной царши луны», божества «семи планетъ», атмосферическія божества «вѣтра», «грома» и «молніи», стихійныя божества—«огня» и «воды», божества домашнего очага и различныхъ промысловъ—земледѣлія и шелководства, и наконецъ божества—покровители различныхъ наукъ и искусствъ—«геометріи» «мелничны», «словесности» и т. п. Первобытные индійскіе аріицы почитали и призывали въ молитвахъ Индру, какъ верховнаго властителя надъ облаками, тучами и дождями и вмѣстѣ какъ повелителя надъ людьми, особенно въ ихъ войнахъ и усобицахъ, какъ всеобѣждающаго ратоборца и съ злыми силами природы и съ несчастными врагами своихъ воинственныхъ почитателей. Въ Суръѣ—богу солнца они обращались между прочимъ съ такою молитвою: «всеблаженныи оземь своимъ ти

назираешь народы, днемъ и ночью ты разсѣлаешь облака и наваливаешь собою небо и землю—всевидащій свѣтовосный судья съ сіяющими волосами на головѣ! Открывъ глаза, когда разсѣется ночная темнота, мы внимаемъ къ тебѣ, высочайшій свѣтъ: со всюю своею побѣдоносною силою возсталъ сынъ вѣчности,—онъ поверитъ враговъ нашихъ подъ ноги наши. Услышь нашу молитву, снуди въ нашу страдающую душу, какъ женихъ въ тоскующей по немъ невѣстѣ. Всевидащій! Будь всегда нашимъ помощникомъ и защитникомъ. Но еще болѣе довѣреннаго богу у индійцевъ былъ Агни—богъ огня, въ особености, какъ посредникъ между небомъ и землею, потому что онъ какъ молнія, предполагалось, служилъ вѣстникомъ отъ боговъ къ людямъ, а съ другой стороны былъ и вѣстникомъ отъ людей къ богамъ, какъ алтарный огонь, который не только блескомъ своимъ обращалъ взоры боговъ на мѣста жертвоприношеній, но и возносилъ самъ къ нимъ человѣческія жертвы—въ поднимающемся до облаковъ пламени и дымѣ. Молитесь ему между прочимъ такъ: »тебя набираемъ мы въ посланника въ всевѣдущему, потому что твой свѣтъ можетъ подниматься до самыхъ небесъ,—накъ утѣшитель и защитникъ всѣхъ промысловъ, убогая, что кто призываетъ и почитаетъ тебя, у того не оскудѣетъ богатство. Тебѣ, богатый юномъ, приносится всякая жертва,—будь къ намъ нынѣ и во вѣки милостивъ, а потомъ ты самъ уже молись за насъ предъ высочайшими богами и вознеси къ нимъ наши жертвы. Снуди къ намъ, освѣщай насъ сильный, возлюбленный боговъ. Снуди къ намъ ты, котораго боги изначала послали на землю заботиться о людяхъ. Даруй намъ сокровища, низпошли утѣшеніе, будь нашимъ помощникомъ и покровителемъ, какъ и Сурья; сохрани насъ отъ грѣха свѣтомъ познанія, даруй намъ крѣпкія силы для дѣятельности и жизни, истребляй враговъ нашихъ, охраняй насъ отъ злыхъ духовъ, отъ убійцы, отъ хищ-

наго животнаго и отъ врага, замышляющаго погубить насъ. Огненнымъ лучемъ своимъ, навъ дубинною, всюду пералайтѣхъ; которые не почитаютъ тебя и оттачиваютъ на насъ стрѣлы, — да не одолѣютъ насъ враги наши» и проч. Правда, что съ поселеніемъ индійцевъ въ страны британской вѣи полныя жизни натуральныя божества въ системахъ браминовъ уступили мѣсто безвѣтно-абстрактному пантеистическому первоединству изъ котораго дѣйствительный міръ выродился путемъ натуралистической эманации. Тѣмъ не менѣе отъ этого вѣра въ живое, промыслительное общество въ міру нисколько не пострадала, потому что абстрактный пантеизмъ оставался достоинствомъ только школы и теоріи. въ великозной же практикѣ не слѣдовали ему даже сами брамины. не говоря уже о народѣ, который продолжалъ чтить именованъ съ пантеистическимъ Брамой и свои древнія мѣчныя божества, продолжать молиться предъ ними и приносить имъ жертвы, многогда даже человѣческія. Ни мало не ослабѣла эта вѣра и въ буддизмѣ, хотя и принято почему-то новѣйшими учеными трактовать буддизмъ, какъ религію агоніи и лигиана. — У аристовъ иранскихъ первоначально были тѣ же самыя божества огня, свѣта, воздуха и проч., что и у индійскихъ, только имена имъ здѣсь были иные. Довѣреннѣйшимъ богомъ и здѣсь былъ богъ огня, которому между прочимъ такъ молились: »блаженъ человекъ, къ которому приближаешься ты, сильный, любвеобильнѣйшій изъ любвеобильныхъ, кротчайшій между достойными молитвеннаго призыванія, — мы приближаемся къ тебѣ съ чистымъ духомъ и любящимъ сердцемъ, — будь во всемъ помощникомъ нашимъ«. И здѣсь также верховная супрематія принадлежала богу свѣта, только подъ другимъ именемъ; именно — Митрѣ жилище его на божественной горѣ востока, гдѣ вѣчный безсмѣнный день; отсюда-то онъ исходитъ, предшествуя солнцу и въ полномъ вооруженіи, какъ могучій

богатырь, проходитъ небо и землю, поражая вездѣ духовныя тьмы; вездѣ богъ свѣта, онъ есть десятитысяче-главый стражъ міра, судій и каратель всамаго злодѣянія. отъ взора коего никто укрыться и отъ молниеносной стрѣлы коего никто убѣжать не можетъ. Реформаторъ древне-иранійской натуръ—религій не уничтожилъ ея натуралистическихъ божествъ, но только поставилъ ихъ въ подчиненіе одному высочайшему и при томъ духовному богу Ормузду, и съ тѣмъ вмѣстѣ древней вѣрѣ въ живое отношеніе божества къ міру и человечеству сообщилъ только болѣе ясный и чистый характеръ. Этому высочайшему и духовному богу самъ Зороастръ такъ между прочимъ молится: «Вашимъ языкомъ владычествуютъ небесные духи. Тому научи и меня. вездѣ Маада: изъ твоихъ собственныхъ устъ, которыми защищаешь все живущее, и повѣдай, что я долженъ дѣлать. Ты, который изъ собственнаго свѣта создалъ мириады свѣтлыхъ и возвелъ истину основною разумомъ, самъ пребываешь неизмѣннымъ. Тебя, премудрый, изначальный Маада, представляю я, какъ верховнаго правителя природы и духа; духовнымъ верховомъ своимъ я вижу тебя; какъ отца разумовъ, какъ живодѣйственнаго творца жизни, какъ основу истиннаго. Силою твоею огоньъ земли. и земное тѣло образовалъ ты, полный прамудрости, животворщій духъ Маада! Нельзя обмануть всеблудащаго Агуру,—онъ наказываетъ строго тѣхъ, которыхъ обидѣли—дожь, а не потина. Всякое темное дѣло, всякое угнетеніе онъ выведетъ на свѣтъ, и такимъ образомъ жизнь настоящая становится предвѣдѣнъ будущаго правосудія. Умилосердись надъ нами, Агура, посылай намъ все благашии и во зѣм. Светый Духъ, создавшій землю и воды, дай намъ безсмертіе и совершенство».—Что египтяне имѣли самую живую вѣру въ постоянное воздѣйствіе міра божественнаго на міръ физическій и человеческій, объ этомъ свидѣлствуютъ и до нынѣ уцѣлѣвшіе остатки вельсальныхъ храмовъ,

вторые они строили своимъ богамъ, и въ этихъ храмахъ изображенія множества боговъ и разнообразныхъ жертвъ, которыя имъ были приносимы. Кроме верховныхъ боговъ, Ра, Пта, Озириса, Аммона и др., обладавшихъ всеобъемлющею властію и управлявшихъ цѣлымъ міромъ, у египтянъ было много боговъ и богинь подчиненныхъ, второстепенныхъ, которымъ принадлежала специальная власть только надъ известными областями бытія и жизни, вторыхъ потому и призывали они только въ особыхъ соотвѣтственныхъ случаяхъ, Капона напр. какъ бога дождей, во время засухи, Нила, какъ бога оплодотворяющей рѣки, Кама съ супругою Ранно, какъ боговъ, завѣдывающихъ плодородіемъ садовъ и виноградниковъ, Аяуре, какъ богиню домашнего очага и блюстительницу чистоты семейныхъ связей и отношеній и пр.—Древнии грекъ также вѣрилъ, что каждая сфера вселенной управляется особеннымъ живымъ божествомъ: Зевсъ, самый верховный богъ, царь надъ богами, владычествовалъ надъ небомъ, Посейдонъ надъ морями, Аидосъ надъ подземнымъ міромъ, и всѣ вмѣстѣ—надъ землею. Во всѣхъ своихъ духовныхъ дарованіяхъ вврующій эллинъ также зависѣлъ непосредственно отъ всеблагой воли боговъ: война воодушевлялъ мужествомъ и храбростію Аресъ, поета вдохновлялъ Аполлонъ, мудреца просвѣщала Афина, всѣ науки и искусства вообще находились во власти девяти музъ, во главѣ которыхъ стоялъ царь науки и искусства Аполлонъ; Аполлонъ же кроме того являлся предъ богами ходатаемъ и примирителемъ во всѣхъ случаяхъ нарушенія людьми божественныхъ законовъ. Боги также были хранителями и попечителями для грѣха во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ его жизни: Діана принимала его изъ лона матери, Гименей заключалъ его бракъ, Деметра и Гестія охраняли чистоту его брачнаго союза и всѣхъ семейныхъ отношеній, Горусъ присутствовалъ у его изголовья и на вѣки закры-

валъ ему глаза, между тѣмъ какъ Гермесъ тутъ же принималъ оставившую свое тѣло душу и велъ ее въ преисподнюю.— Древній римлянинъ не менѣе грека вѣрилъ во всеобъемлющее божественное міропробышеніе и міроуправленіе. Сатурнъ и Опсъ посылали для него благовременные дожди и обильные урожан; Сильванъ, Фавнъ и Палесъ владычествовали надъ лѣсами и охраняли стада и нивы; Вертумнъ, и Помона правили теченіемъ рѣкъ и источниковъ и заботились о всемъ живущемъ въ нихъ; попеченіе о гражданскомъ благоустройствѣ римскаго народа лежало на плечахъ—Юпитера, защита и предводительство на войнѣ—на плечахъ Марса, забота о внутреннемъ и внѣшнемъ мнрѣ государства лежала на обязанности Януса, охрана домашняго очага и семейнаго благополучія составляла обязанность Ларъ и Пенатовъ, особенно же Весты. Во храмѣ которой двѣственныя веталки поддерживали неугасимый огонь, просвѣщеніе мудрецовъ и поетовъ было дѣломъ Минервы и проч.—То же слѣдуетъ сказать и о новѣйшихъ народахъ Европы. Кельты, заселеніемъ Европы далеко упредившіе германцевъ, почитали подъ именемъ Тарана (tagala, donner) бога неба и земли, владыку вселенной и верховнаго судію, подъ именемъ Велена (Velen), божество, промышляющее о растительномъ царствѣ, о плодородіи земли; Геусу (Hesus oder Heus) молились предъ началомъ всякаго военнаго предпріятія, какъ покровителю на войнѣ и въ битвахъ Тоту (Teutatus), какъ покровителю земледѣлія, промышленности и торговли, Омію (Ogmios), какъ покровителю свободныхъ искусствъ и науки.—У германцевъ первое начало всего сотвореннаго—высочайшее вседержашее существо называлось или просто богомъ (Gott) или отцомъ вселенной (Allvater), и высшимъ выраженіемъ этой высокой идеи божества былъ Воданъ или Одинъ (Wodan, Wuotan, Odin—des Nordes), которій былъ почитаемъ какъ всетворящая, всепроникающая и

всеправящая сила и мудрость, отъ которой исходятъ всѣ блага, зависить плодоносіе земли и особенно счастливыи или несчастный исходъ войны;—его называли также огомъ желани (Gott des Wunsches), выражая тѣмъ, что—въ его верховной власти вся полнота всякихъ олагъ—счастія и блаженства;—Онъ своимъ однимъ всевидящимъ окомъ отъ вѣчности назидаетъ судьбы міра, и два ворона на ооихъ плечахъ его всегда готовы летѣть съ вѣстями и повелѣніями отъ него во всѣ доицы міра. Подобно Одину—Tiu (Tiu, der nordische Tiu) воодушевлялъ германца во время битвы, и вмѣстѣ съ мечемъ держалъ въ рукѣ: своей судьбу военной славы и побѣды;—Донаръ или Торъ (Donar, Thor) покровительствовалъ мирнымъ занятіямъ—земледѣлю, ремесламъ и искусствамъ. Фредъ (Fro, nordisch Freyer)—это богъ мира и любви—хранитель брачнаго союза и семейнаго счастія.—ему въ особенности молились дѣвушечки о счастливомъ замужествѣ,—а замужнія женщины о дарованіи потомства; но онъ вмѣстѣ и богъ солнца, почему его почитали и земледѣльцы, какъ бога, дарующаго плодоносіе земли и умножающаго стада;—во время какой нибудь заразы его умолявали куреніями и жертвами съ полною вѣрою въ его скорую помощь и помилованіе. Балдеръ (Palter oder Balder) сынъ Водана,—это виновникъ мудрыхъ законовъ и покровитель правды во всѣхъ человѣческихъ отношеніяхъ и особенно въ судахъ. Какъ ни неразвита наконецъ была религія у Славянъ—предковъ нашихъ, но и у нихъ были божества, которыми они молились о плодоносіи земли и объ успѣхѣ во всѣхъ предпріятіяхъ, которыхъ умолявали жертвами, съ полною вѣрой, что молитвы ихъ слышатся, жертвы пріемлются; значить, и у нихъ была живая вѣра въ верховное божественное міропромышленіе.—Впрочемъ, если бы исторія и не сохранила намъ никакихъ наименованій языческихъ божествъ и свѣдѣній о томъ, что божества эти всегда представлялись близ-

нами къ міру и человѣку и печущимся о нихъ,—и безъ этого историческое изслѣдованіе находить во всѣхъ языческихъ религіяхъ живую вѣру въ промыслъ Божій въ существенно принадлежащемъ всѣмъ имъ культѣ молитвы и жертвы. Откапывающимъ памятники глубокой древности часто не попадается остатковъ и слѣдовъ памятниковъ мірско-житейскаго смысла но остатки храмовъ—домовъ молитвы, остатки жертвенниковъ на которыхъ нѣкогда текла кровь закаляемыхъ животных и людей и сожигались жертвы, попадаются вездѣ, гдѣ жил нѣкогда сколько нибудь цивилизованные народы. Къ тому же отерпѣно приводятъ и изслѣдованія лингвистовъ;—такъ между прочимъ Диктетъ, одинъ изъ извѣстныхъ филологовъ французскихъ говоритъ по этому доводу такъ: «когда нисходишь до самыхъ дальнѣйшихъ глубинъ исторической жизни, до какихъ только можетъ довести нить филологической науки, не увидишь здѣсь уже храмовъ, создаваемыхъ рукою человѣка, но за то слышишь молитвы, возсылаемыя къ Богу подъ открытымъ сводомъ небесъ нашими самыми отдаленнѣйшими предками, и видишь ихъ курящіяся жертвы ¹⁾. Молитва же и жертва возможны не иначе, какъ подъ условіемъ вѣры въ Бога—промыслителя, и суть сами не что иное, какъ двѣ формы, какъ два самыя живыя выраженія этой вѣры. Молитва и возможна только подъ условіемъ той вѣры, что Богъ вездѣприсущъ въ мірѣ и всевѣдущъ, чтобы слышать,—благъ, чтобы не прослышать и всемогущъ, чтобы услышавъ исполнить моленія и желанія тварей своихъ; иначе сказать, молитва есть прямой плодъ сознанія собственнаго безсидія и вѣры въ Бога, какъ всеблагаго и всемогущаго промыслителя о своихъ тваряхъ во всѣхъ ихъ нуждахъ. Жертва въ видѣ приношенія надб. плодовъ можетъ быть соединена и съ обыкновеннымъ моленіемъ.

¹⁾ „Отецъ профессоръ.“ Читаніе Эрисота Шалля.

или благодареніемъ и служить не болѣе какъ дополненіемъ или символическимъ выраженіемъ его же, имѣя въ этомъ случаѣ значеніе только свободнаго дара любви и усердія. Но когда человѣкъ приноситъ въ жертву живое существо, а иногда даже свое собственное дѣтище, то въ этомъ кромѣ чувства любви и преданности къ Богу нельзя не видѣть еще чего-то другаго, нельзя не предполагать въ немъ именно глубокаго чувства вины предъ правосуднымъ Богомъ и желанія омыть эту вину кровію невинныхъ,—удовлетворить божественное правосудіе самою дорогою жертвою. Потому, если молитва служила выраженіемъ вѣры во всеблагое и всемогущее божественное міропромышленіе,—то жертва выраженіемъ вѣры въ высочайшее нравственное міроуправленіе.

Насъ нисколько не должно удивлять это присутствіе во всѣхъ языческихъ религіяхъ вѣры въ промыслъ Божій,—причина его очень проста,—именно та, что вѣра въ Бога-Промыслителя и религіозность т. е. постоянное живое отношеніе къ Верховному Существому—жизненное почитаніе живаго Бога—въ сущности совершенно одно и то же: есть живая религія—есть и вѣра въ Бога Промыслителя,—нѣтъ этой вѣры, нѣтъ религіи. Поэтому же, насколько религія богооткровенная, какъ таковая, выше всякой языческой или естественной религіи,—на столько болѣе глубокое и широкое, живое и дѣйственное выраженіе вѣры въ промыслъ Божій мы находимъ въ практикѣ этой религіи—во всѣхъ истинныхъ носителяхъ ея; и, на сколько безконечны разумъ божественный выше ограниченнаго и ослоннаго къ заблужденіямъ разума человѣческаго, на столько яснѣе, полнѣе и выше всѣхъ языческихъ понятій и ученій о промыслѣ—богооткровенное ученіе о божественномъ міропромышленіи и проуправленіи. Вотъ въ существенныхъ чертахъ это ученіе:

Все необъятное для нашего взора и воображенія міроданіе есть не что иное, какъ жилище вездѣсущаго Господа, но не Его вмѣщающее, а Имъ всеобъемлемое, такъ что нѣтъ

въ немъ нигдѣ ни малѣйшаго мѣста, лишеннаго присуціа Божія (Пс. 137, 7—10; Іер. 23, 24). И это Божіе вездѣприсущіе міру есть не пассивное только присуціе недѣятельнаго всегдѣнія, но самое живое и дѣятельное присуціе вѣчнодѣйствующей всемогущей силы Божіей, такъ что все законы и силы міра пребываютъ и извѣстнымъ образомъ дѣйствуютъ только въ силу правящей ими премудрой воли Божіей, и, если дѣйствуютъ постоянно и неизмѣнно одинаковымъ образомъ, то и это не по собственной своей неизмѣнной, постоянной, необходимой природѣ, а единственно вслѣдствіе творческаго на то хотѣнія (Іер. 31, 36. 37; Пс. 148, 6). Потому, всякое явленіе въ природѣ, хотя и происходитъ по физическимъ законамъ, но послѣднимъ основаніемъ своимъ имѣетъ всегда волю Божію: дивный свѣтъ и плодотворная теплота солнца (Пс. 18, 5—8; 103, 2; Матѳ. 5, 45), сіяніе луны и звѣздъ (Пс. 135, 9), годовыя и суточные перемѣны (Быт. 8, 22; Пс. 73, 18), атмосферическія явленія—дождь и снѣгъ, громъ, бури и градъ, холодъ и зной (Пс. 17, 14. 15; 76, 19; 103, 3; 106, 20; 134, 7; 146, 8 и проч.),—все это бываетъ не иначе, какъ по волѣ Божіей;—горы возникаютъ и стоятъ (Пс. 103, 8. 32; 86, 1; 94, 4; 96, 5), моря занимаютъ свои ложа, бушуютъ и утихаютъ (Пс. 76, 20; 88, 10), рѣки, источники, озера являются и открываютъ свои русла (Пс. 92, 8; 103, 9. 10; 104, 4. 106, 33. 35)—тоже не иначе, какъ по волѣ на то Божіей,—словомъ, ни одинъ законъ міра не можетъ дѣйствовать, ни одно явленіе не произойдетъ изъ этого закона безъ воли Божіей. Такимъ образомъ въ откровеніи Богъ представляется прежде всего какъ хранитель міра, какъ первооснова и перводвижитель всѣхъ его законовъ.

Но божественная воля является послѣднимъ основаніемъ всѣхъ законовъ и силъ міра, не какъ внутренняя въ мірѣ, не какъ имманентная ему слѣпая, безличная, необходимая сила, въ

какъ внѣшняя по отношенію къ міру, свободная, премудрая воля независимаго, отдѣльнаго отъ міра, личнаго Господа-Вседержителя. Почему это, спрашивается отъ полноты вѣсти, горы и рѣки и все послушно Богу Израиля, и ничто не послушно богамъ языковъ?—Потому, отвѣчаетъ, что боги истинно—бездущные боги, идолы ли они или силы природы,—даже же Израилевъ уповаесть на Господа—помощника и защитника (Пс. 113, 1—20), ты есть на живаго, отдѣльнаго отъ міра личнаго Бога. Потому-то Богъ относится къ міру не просто какъ причина всѣхъ вообще явленій, но какъ вселенный промыслитель своихъ тварей и правитель ихъ судебъ. По ученію Откровенія, Богъ, какъ личный Творецъ и Владыка міра, любящая сущая и ничего изъ созданнаго не мучающая (Прем. 11, 25), Самъ наднебесную всю надзираетъ (Іов. 28, 24), досягаетъ же отъ конца дыше до конца ея (Прем. 8, 1) и печется Самъ о нуждахъ всѣхъ своихъ тварей, такъ что нѣтъ много, чтобы радеть о нихъ (Прем. 12, 13), такъ что отъ Него все получаетъ и жизнь и дыханіе и еса, и о Немъ же живетъ, движется и существуетъ (Дѣян. 17, 25. 28; Іовъ 12, 10); Онъ посылаетъ обильные дожди и даетъ плодующую землю для блага всѣхъ живущихъ на ней (Пс. 64, 10—14; 103, 11; 146, 7—9; Дѣян. 14, 17); къ Нему устремлены съ упованіемъ очи всѣхъ тварей и Онъ всѣхъ ихъ насыщаетъ щедрою рукою Своею (Пс. 144, 15. 16; 103, 21. 22) и заботится о самыхъ, по-видимому, ничтожнѣйшихъ изъ нихъ (Матв. 6, 29; 10, 29; 1 Кор. 15, 38; Іов. 38, 41; Пс. 146, 9). Но особенно промыслительность Его простирается на жизнь чело-вѣчества: каждому народу, каждому царству Онъ назначаетъ извѣстные предѣлы земли, время и порядокъ ихъ историческаго сдѣланія (Дѣян. 17, 24. 26),—въ этихъ царствахъ даетъ свое соизволеніе на устройство городовъ (Прит. 21, 2; 16, 1),—устраиваетъ всѣ власти (Рим. 13, 1), въ особенности

назначаетъ царей изъ достойнѣйшихъ (Дан. 4, 22. 29; Сир. 10, 4; 17, 14; Прем. 6, 1—8; Пс. 8, 6; 88, 21), вліяя потоги на сердце и расположение помысловъ своихъ (Притч. 21, 1), и великая власть: у вѣнчана, кто окажется недостойнымъ отъ (Дан. 3, 21);—Онъ же распознаваетъ ходы историческія событій—разрываетъ соумы дѣловъ, отмечаетъ мысли людей и оцѣны князей (Пс. 92, 10), воздвигаетъ въ средѣ общества всенародно во время покаянія для его политическія цѣли (Сир. 10, 4); и вообще раскрываетъ общественныя дѣла (Исх. 31, 3—6). Но не объ обществѣ только жужитъ человеконедобро исторіи, и не о людяхъ только, державшихъ въ рукахъ судьбу этой исторіи; проповѣдуетъ Господь,—Онъ печется и о вѣкъ людей вообще и о вѣдѣныя челоуки пороки: по образному выраженію св. Писанія, Онъ ведетъ перепишь, въ которую записывается вѣдѣй новорожденный въ томъ или другомъ народѣ (Ис. 86, 6; Ис. 4, 3; Іовъ. 13, 9) и въ особенности ведетъ книгу жизни, въ которую вносятся имена избранныхъ въ вѣчному блаженству возлюбленныхъ сыновъ Божіихъ (Филип. 1, 3; Алекс. 3, 5; 22, 19); затѣмъ,—очи Господни видятъ каждого, когда онъ едва начинается въ утробѣ матери своей (Пс. 138, 16) и адѣмъ же Господь каждому опредѣляетъ предѣлы его жизни (Іовъ 14, 5; Сир. 17, 1, 2), исторгши вѣнчана изъ насъ изъ чрева матери нашей (Пс. 21, 10), Господь и во все время жизни нашей близокъ къ каждому изъ насъ (Дѣян. 17, 27; Псал. 144, 18)—и такъ близокъ, что ни одна волосъ не падаетъ съ головы нашей безъ вѣдѣи Его (Мате. 10, 30), что видитъ всякое дѣло наше самое, по видимому, ничтожное и самое тайное (Мате. 10, 42; Пс. 138, 1—6), слышитъ каждое слово наше самое мимолетное (Матр. 12, 36),—и ни одна слеза наша (Пс. 55, 9), ни одинъ вздохъ (78. 11), ни одно бѣженіе сердца и движеніе воли (Пс. 7, 10; Сир. 17, 9. 10), ни одна

мысль самая тайная и многолетняя (Пс. 138, 1—8; Дан. 2, 22; Сир. 42, 18. 20; 1 Кор. 4, 5) и даже всё наши будущія мысли, желанія и дѣйствія (Пс. 138, 15. 16),—все это неслышимо предъ будущими насъ постоянно очини всевѣдущаго Господа.—Если же Богъ отвѣтитъ и ко всѣмъ тварямъ вообще и въ особенности въ человѣку, не какъ фатальная какая нибудь безразличная и безучастная сила, но какъ всегдѣшній всеблагій хранитель и помощникъ, то и человѣкъ можетъ и долженъ отвѣстись къ Богу, какъ къ свободному личному промыслителю, слѣдовательно, онъ можетъ предъ Нимъ, какъ предъ лицомъ, изливать свои мысли и чувства, высказывать свои желанья и нужды, въ полной увѣренности, что Богъ не останется къ нему совершенно безучастнымъ и недоступнымъ,—ниче говоря; человѣкъ можетъ и долженъ обращаться къ Богу съ молитвою, въ полной увѣренности, что она слышится Богомъ, и съ твердою надеждою, что и услышана т. е. исполнится, если только будетъ того достойна у Бога. Посему, слово Божіе учитъ насъ во всѣхъ нашихъ нуждахъ обращаться съ молитвою къ Богу, какъ къ Отцу—*оозерзати насъ въ печали нашихъ* (1 Петр. 5, 7). съ полною вѣрою, что Онъ близокъ *въ зъмъ призывающимъ Его* (Пс. 144, 18), что *воплъ молящагося увидетъ во уши Его* (Пс. 17, 7), что Онъ слышитъ, егда призываютъ Его (Пс. 4, 2. 5), и *послетъ призывающему зашити и помощь, помянетъ всяку жертву его, дастъ ему по сердцу его и весь советъ его исполнитъ* (19, 2—5), укрѣпитъ всякаго, кто возложитъ на Него бремя печалей своихъ (Мате. 11, 28; Пс. 54, 23), что Отецъ небесный всякому, имѣющему вѣру въ Него *яко зерно горючано*, можетъ дать силу, при которой для него ничего не будетъ невозможнаго (Мате. 17, 20); дастъ истинныя блага просящимъ у Него (7, 11) и исполнитъ все, о чемъ бы кто ни молился къ Нему во имя Единороднаго Сына Его (Іоан 14, 13).

Но Богъ по отношенію къ міру и особенно къ міру нравственныхъ существъ не какъ всеблагій промыслитель и милостивый дѣятель только—безразличный къ ихъ нравственнымъ заслугамъ и неостонствамъ,—но вмѣстѣ какъ промыслитель и правитель моральный, слѣдовательно дѣйствующій по отношенію къ людямъ сколько изъ основаній милости, столько же и изъ основаній правды: *ванъ путьє Господни милость ѣ истина* (Пс. 24, 10), *благость и правосудіє основаніє престола Его, милость и истина идутъ предъ лицемъ Его* (Пс. 88, 15). Поэтому, милость у Господа не даруется (Пс. 28, 17) и дается только заслуживающимъ ее, такъ что всякому просителю Господь отвѣчаетъ: *умножу дни твоа, премудрость и разумъ дамъ тебѣ, богатство оубо и имѣніа и славу дамъ тебѣ, аще поидеши путемъ моихъ, сохраниши заповѣди моя и повелѣніа моя* (3 Цар. 3, 10. 14),—*аще же оставиши законъ мой и азъ заповѣдей моихъ не поидеши, аще оправданія моя оскверниши и заповѣдей моихъ не сохраниши, неощущу желаніа беззаконія твоеа и ранами неправды твоеа* (Пс. 88, 31—33). Поэтому, сколько щедроты Господа изъясняются на боящихся Его (Пс. 102, 12), столько же на грѣшникѣхъ почиваетъ ярость Его (Слр. 5. 7): *любящимъ Бога ося споспѣшествуетъ во благо* (Рим. 8, 28; Пс. 144, 20) и *боящихся Его ищетъ лищенія имъ въ чашѣ* (Пс. 33, 10); Господь поддерживаетъ руку праведнаго (Пс. 36, 24), *хранитъ оубо кости ея* (Пс. 33, 16) *плещма своими осплещетъ ея*, такъ что вокругъ него будутъ падать тысячи, но онъ останется непривоснавленнымъ (Пс. 90, 4. 7), Господь защититъ праведнаго во время скорби, и *поможетъ имъ и избавитъ ихъ* (Пс. 36, 39. 40),—запрощивъ мерзость Госпадеви *помысли неправедный и устни лжыи ѣ путьє нечестивыхъ* (Притч. 12, 22), *не увидитъ Господь ося дѣлающія беззаконіє* (Пс. 5, 6), и потому онъ посмѣвается надъ замыслами и надеждами беззаконныхъ (Пс. 2, 4; 36, 13), *ипотъ Его открывається съ небесъ*

на всякое нечестіе и неправду чловѣковъ (Рим. 1, 18).—день Его день суда и наказанія всегда близокъ къ грѣшникамъ (Ис. 13; 6. 9; 2, 12), отъ и градъ, гладъ и смерть, зубы звѣрей и скорпіи и ехиона, мечъ, кровь и рвеніа и оружіе, наведенія и сокрушеніе и раны вся сѧ съобща на 'беззаконныхъ' (Сир. 39, 34. 37; 49, 9. 10 а также Іов. 38, 29. 35; Ам. 3, 6; 4, 3; Пс. 79, 6; 148, 8; Прем 5, 18. 21. 22; 16, 17 и проч.), и Господь до земли уничтожаетъ ихъ (Ис. 146 б), поражаетъ ихъ жезломъ и ранами (88, 33), сокрушаетъ зубы ихъ (3, 8), такъ что плачь безвременный всегда покрываетъ уста нечестивыхъ (Притч. 10, 6).—Впрочемъ, хотя Богъ любитъ и щедритъ праведныхъ, а грѣшниковъ наказываетъ еще и въ сей жизни но для тѣхъ и другихъ, по ученію слова Божія. послѣднее и грѣшительное возданіе послѣдуетъ не въ настоящей, но въ будущей вѣчной жизни (Матѳ. 16; 27; 24, 36; 25, 40. 41; 18, 48; Рим. 2; 5; Іуд. 14, 15 и проч.).

Если же Господь, какъ нравственный мироправитель, не только благъ и милостивъ къ чловѣку, но вмѣстѣ и строго-правосуденъ, то и чловѣкъ долженъ относиться въ Нему какъ нравственное отвѣтственное существо,—долженъ потому стараться всегда быть въ мирѣ съ божественнымъ правосудіемъ,—быть правымъ предъ Нимъ. Поскольку же никто изъ людей не можетъ похвалиться чисто и мѣтти сердце и никто не дерзнетъ—реши чиста себе быти отъ зрѣна (Притч. 3, 3), аще и одинъ день житіе его на земли (Іов. 14, 5) воелику, следовательно, никто не правъ безусловно предъ судомъ Божиимъ (Пс. 142, 2); то отсюда—постоянный долгъ чловѣка предъ божественнымъ правосудіемъ и следовательно постоянное чувство необходимости удовлетворенія правдъ Божіей.—выраженіемъ котораго должна быть постоянная жертва Богу жертва не столько внѣшняя, сколько внутренняя,—духъ со-

срушенный, сердце сокрушено и смиренно,—постоянное покаянно-смирненное отношеніе человека къ Богу, тѣмъ болѣе глубокое, чѣмъ тѣже грѣховность, чѣмъ глубже разладъ его съ божественною правдою.

Что такое ученіе о Богѣ—міропромыслителѣ и міроправителѣ не есть одна абстракція ума или мертвая буква,—объ этомъ свидѣтельствуесть вся практика богооткровенной религій, какъ ветхозавѣтной іудейской, такъ и новозавѣтной христіанской,—показывая, что вѣра въ промыслъ Божій была и есть, такъ сказать, сердечнымъ пульсомъ духовной жизни всѣхъ истинныхъ носителей этихъ религій, была и есть самымъ жизненнымъ съевемъ, постоянно разроставшимся и разростающимся въ многоплодное дерево религіозной жизни. Въ ветхомъ завѣтѣ во главѣ жизненныхъ носителей этой вѣры стоятъ прежде всего сами богодухновенные писатели, для которыхъ вѣра эта была исходнымъ пунктомъ и основою не только ихъ писаній, но и всей ихъ жизнедѣятельности. Таковъ напр. былъ Авраамъ, по слову апостола „другъ Божій“ (Гал. 2, 23), который во всю жизнь свою ничего не предпринималъ безъ откровенія соизволяющей или запрещающей воли Божіей и каждый шагъ свой соразмѣрлялъ съ этою волею. Такою же вѣрою въ непрестанное попеченіе и руководство Божіе жили Исаакъ, Іаковъ, Іосифъ въ Египтѣ. Моисей великій пророкъ Божій—Богомъ избранный правитель израильскаго народа,—бывшій постоянно въ общеніи съ Богомъ, именемъ Божіимъ совершавшій великія чудеса, благословлявшій народъ свой за вѣрность завѣту съ Богомъ, проклинавшій и казнившій его самыми многообразными казнями за нарушеніе этого завѣта,—представляетъ въ лицѣ своемъ не только самое живое воплощеніе вѣры въ промыслъ Божій, но и воплощеніе, возвысившееся нѣкоторымъ образомъ даже до участія въ міроправляющей и міропромышляющей божественной силѣ. Въ нѣкоторой степени такимъ же воплощеніемъ этой

вѣры были, воздвигаемые Богомъ послѣ Моисея, вожди Израиля, извѣстные подъ именемъ Судей, которые силою этой вѣры, по слову Апостола, *побѣдиша царствія, содѣяша правду; получиша обѣтованія, заградиша уста мововъ, укрѣпиша омаи оцѣнную, избѣгоша острей меча, возмогша отъ немощи, бѣши крѣпцы во браняхъ, обратиша въ бѣгство полки чужднцы* (Евр. 11. 33. 34). Потомъ, св. царь и пророкъ Давидъ такъ былъ полонъ вѣры въ Бога—Промыслителя міра, что выдѣль премудрость и благость Его во всѣхъ—отъ самыхъ великихъ до самыхъ малѣйшихъ—тваряхъ міра во всѣхъ—отъ самыхъ: величественныхъ и поразительныхъ до самыхъ незначительнѣйшихъ—явленіяхъ. приподы, особенно же къ человѣку онъ представлялъ Бога такъ близкимъ, что ни одна мысль и чувство, ни одинъ вздохъ и слеза, человѣческіе не могутъ утѣчься отъ Него, вслѣдствіе чего, и самъ онъ ничего не предпринималъ, безъ молитвеннаго, обращенія къ Богу и соизволенія Божія, такъ что вся жизнь его, можно сказать, была непрестанной молитвой къ Богу о помощи и милости, душа его при томъ такъ полна была вѣры въ Бога—какъ Судію и мздовоздателя, что всю жизнь свою дерзополнена была глубокимъ чувствомъ покаянія и сокрушенія о грѣхахъ своихъ и постоянно умоляла праведнаго Судію, да не воззритъ беззаконіи ея, да омыеъ и очиститъ всѣ согрѣшенія ея. Наконецъ вѣра въ Бога міропромыслителя и моральнаго міроправителя была главною темою проповѣди всѣхъ пророковъ и составляла душу ихъ жизни; такъ что, за нее они нерѣдко терпѣли самыя сѣдныя гоненія, и иногда даже полагали и жизнь свою. Возносясь духомъ до нѣкотораго единенія съ волею и мыслию божественною, сознавая, что ихъ устами говоритъ самъ Богъ, они то благословляли Израиля всѣми благами, предсказывали ему и политическое могущество и внутреннее благоденствіе и богатство, когда онъ, былъ вѣренъ Богу своему, Богу—поще-

чителю, и увѣряли его при этомъ, что какъ мать не оставляетъ безъ призора и попеченія дѣтища своего, такъ и его Богъ не забудетъ и не оставитъ милостями своими, что скорѣй даже мать забудетъ отроча свое, чѣмъ его забудетъ Богъ (Ис. 49, 14. 15),—то проклинали его, пророчили ему самыя страшныя бѣдствія, когда онъ забывалъ о неисчислимыяxъ благодѣянїяхъ Бога Авраама, Исаака и Иакова;—съ грознымъ словомъ обличенія безбоязненно выступали они тогда и противъ вельможъ и противъ царей и противъ всего народа—и постоянно напоминали о жертвѣ Богу—верховному Судїи и издовождателю за беззаконїя—въ очищенїе отъ грѣховъ, проповѣдывали постъ и сокрушенное покаянїе въ пещѣ и вретницѣ для изглаженїя виновности предъ Богомъ и примиренїя съ Нимъ; и при этомъ сила грѣха и обилїе человѣческихъ беззаконїй представлялись имъ такъ великими, а правосудїе Божїе такъ строгимъ и неумѣстнымъ, что въ самомъ человѣкѣ они не видѣли болѣе никакихъ вполне достаточныхъ способовъ къ примиренїю съ Богомъ: тогда-то ихъ вѣрующая мысль возносясь къ Богу и вдохновляясь, прозрѣвала средоточный пунктъ нравственнаго божественнаго міроуправленїя—являющагося на землѣ Бога во плоти,—раждающагося, страдающаго и умирающаго крестною смертію Сына Божїя, какъ единственно достаточную жертву для удовлетворенїя правды Божїей, за грѣхи безвѣчно виновнаго человѣчества. Но не одни богодухновенные писатели въ ветхомъ завѣтѣ были носителями вѣры въ божественное всеблагое міроуправленїе и моральное-правосудное міроуправленїе,—ею жилъ и весь ветхозавѣтный Израиль. Задолго еще до Моисеева закона, патриархи среди своихъ родовъ и семействъ были вмѣстѣ и священниками: они возносили къ Богу молитвы, испрашивая въ нихъ себѣ и своимъ домохадцамъ благословенїя Божїя долголетствїемъ и всѣми благами,—а также приносили жертвы въ

знакъ смиренія предъ правдою Божіею и удовлетворенія ей. Тѣмъ болѣе выраженной находила себѣ эта вѣра со времени появленія закона и другихъ богодухновенныхъ писаній. Сначала скинія, а потомъ храмъ іерусалимскій были мѣстомъ, гдѣ Богъ обѣтовалъ самъ пребывать и внимать мольбамъ народа своего: здѣсь первосвященникъ и священники молились за весь народъ всегда, а особенно во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ его жизни—предъ началомъ и по окончаніи года, предъ началомъ и по окончаніи жатвы, предъ началомъ и послѣ браней и войнъ, во время общественныхъ бѣдствій объ отвращеніи ихъ,—словомъ молились о всемъ благопотребномъ,—а это вовсе немыслимо безъ живой вѣры въ Бога—Владыку и Промыслителя міра и особенно человѣка;—здѣсь же приносились вмѣстѣ съ благодарственными и очистительныя жертвы за грѣхи людей,—что немыслимо безъ вѣры въ Бога—Судію, безъ вѣры въ божественное правственное міроуправленіе,—выраженіемъ которой были также посты и дни общественнаго и частнаго покаянія со всѣми признаками сокрушенія и самоуничиженія предъ Богомъ. Вообще же весь ветхозавѣтный Израиль смотрѣлъ на себя какъ на народъ, особенно блюдомый и хранимый Богомъ, и на свою исторію смотрѣлъ не иначе, какъ на исторію божественнаго правленія,—какъ дѣйствительно и было.

Также жизненна была и есть вѣра въ промыслъ Божій и въ религіозной практикѣ христіанства. Какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ завѣтѣ высшими и живѣйшими носителями этой вѣры являются прежде всего богодухновенные мужи—апостолы Христовы, которые также сами были какъ бы участниками всблагата божественнаго міропромышленія, сами владѣя *силою на дусѣхъ нечистыхъ и силою шлѣти всякъ недугъ и всяку болѣзнь—прокаженныхъ очищать, болящихъ исцѣлять, даже мертвыхъ воскрешать* (Матѣ. 10, 1. 8), и участниками въ

нравственномъ божественномъ міроправленіи,—сами имѣя власть вязать и рѣшати грѣхи людскіе и иногда строго наказывать ихъ (Дѣян. 5, 1—11). Сами они такъ твердо вѣрили въ промышляющую о нихъ силу Божію, что, согласно наставленію Божественнаго Учителя своего, идя на проповѣдь, не брали съ собой ни злата, ни сребра, ни мѣди, ни пиры въ путь, ни оубо ризу, ни сапогъ, ни жезла (Матѳ. 10, 9. 10), несмотря на то, что путь ихъ былъ именно путемъ посреде волковъ,—и, чувствуя надъ собою особенное и постоянное промышленіе Божіе, свидѣтельствовали о себѣ: *яко незнаеми и познаваеми, яко умирающе, но живы есьмы; яко наказуеми, а не умерщвляеми, яко скорбяще, присно же радующеся: яко нищии, а мнози богатяще: яко ничтоже имуще, а вся содержаще* (2 Кор. 6, 9. 10);—и всѣмъ старались они внушити такую же вѣру въ человекопечительное провидѣніе Божіе, уча, что отъ Бога раздѣленіе между людьми всѣхъ благъ и дарованій (1 Кор. 12, 11; 15, 38; 2 Кор. 4, 7); и что поэтому обо всемъ нужно обращаться къ Богу съ молитвою (1 Иоан. 3, 22; 1 Тим. 2, 1—11)—во имя вѣчнаго Ходатая о людяхъ Іисуса Христа—Сына Божія, обѣщавшаго исполнить все, чего бы ни попросили у Бога вѣрующе во имя Его (Іоан. 14, 13. 14);—почему, отъ самыхъ апостоловъ ведетъ свое начало употребленіе христіанами какъ домашней, такъ и общественной молитвы—самаго живаго выраженія вѣры во всеблагое божественное міропромышленіе. Вѣра во Христа—распята была для апостоловъ какъ сердцемъ ихъ собственной жизни, такъ и красугодною идеею ихъ проповѣди;—страданія же и смерть Бога-человѣка за грѣхи міра для искупленія его отъ грѣха и провлятія и примиренія съ божественною правдою—это самое высшее выраженіе на землѣ божеств. нравственнаго міроправленія. Сами вѣруя и другихъ уча, что милость Божія обильно изливается на любящихъ Бога (Рим. 8, 28) и что *интер и*

судъ Божій съ небесе открывається на всякое нечестіе и неправду чловѣка (Рим. 1, 18; 2, 2; 1 Кор. 3, 17; 11, 32),— они сами въ чувствѣ своей виновности предъ правосудіемъ Божиимъ, со смиреніемъ и покаяніемъ приобщались тѣлу и крови Христовой и всѣмъ вѣрующимъ заповѣдали, наждый разъ приступая къ принятію тѣла и крови Христовой, искупать себя, приносить въ жертву Богу сокрушеніе о грѣхахъ своихъ—при воспоминаніи о величайшей жертвѣ за грѣхи міра—смерти самого Сына Божія (1 Кор. 11, 23—29). Такимъ образомъ причастіе тѣлу и крови Христовой, предваряемое покаяніемъ во грѣхахъ и исповѣданіемъ ихъ въ самомъ началѣ христіанства стало—высшимъ жизненнѣйшимъ выраженіемъ его вѣры въ нравственное божественное міроуправленіе, какъ молитва—выраженіемъ вѣры во всеблагое божественное міропробышленіе. Можно бы показать цѣлый облакъ, цѣлые сонмы подобныхъ апостоламъ великихъ носителей этой вѣры въ исторіи христіанства, но къ чему это, когда отъ понятія истиннаго христіанина совершенно неотдѣлимо даже представленіе о немъ, какъ вѣрующемъ въ Бога-Промыслителя, когда само христіанство, со стороны чловѣчества, есть не что иное, какъ высшее и полнѣйшее выраженіе его вѣры въ Бога—міропробышлителя и міроуправителя, а со стороны Бога—не что иное, какъ совершеннѣйшее и полнѣйшее на землѣ обнаруженіе Его міропробышленія и міроуправленія, когда св. церковь Христова по отношенію къ Богу есть, такъ сказать, средоточное мѣсто Его приспосущей міропробышляющей и міроуправящей силы, а по отношенію къ людямъ есть какъ бы сокровищница неистощимаая этой силы и ея живая посредница? Въ тыячѣ тысячъ мѣсть, по всему лицу земля, ежедневно, а можетъ быть и ежечасно, св. церковь молитъ Господа—»да пошлетъ Онъ міръ благостію своею и явится ему богатыми щедротами своими, да дастъ благораспоренны и полезны

воздухи и дожди мирны земли къ плодотворности, да благословитъ вънецъ лѣта благасти своея, да помянетъ Онъ,—вѣдѣный коеждо отъ утробы матери его; вѣдѣный коеждо сърасть и именованіе,—требующихъ великаго Его благодутробія всѣхъ людей своихъ всякаго званія и состоянія, сокровища и тѣ да исполнитъ всякаго блага, супружества и тѣ въ мѣрь и единомыслии да соблюдетъ; младенцы воспитаетъ; юнхъ наставитъ; старость поддержитъ, малодушныя утѣшитъ, да не оставитъ всѣхъ своемъ милостію Онъ—подобенъ безпомощнымъ, належащимъ на немъ, обуреваемымъ: стигимъ, плавающимъ пристанище, недугующимъ врачъ, въ особенности же всѣхъ сущихъ въ нуждѣ, скорби и сѣтованіи вдовъ, сиротъ, плененныхъ, плавающихъ, путешествующихъ, страдающихъ; иже на судищахъ, и съ рудалъ, и въ моченіяхъ, и въ юркахъ работѣхъ, иже въ пустыняхъ, и юрахъ, и въ вертепахъ и пропастьхъ земныхъ, — словомъ, испрашиваетъ у Господа всякой помощи и всякаго блага всѣмъ вѣрующимъ и даже невѣрующимъ во имя Его, съ полною вѣрою, что молитва ея Богомъ слышится и услышится. Кроме того, св. церковь Христова хочетъ сопровождать своею молитвою и благословеніемъ всѣ важнѣйшія дѣла и предначинанія человѣческія, открытіе напр. полезныхъ общественныхъ учрежденій, начинаніе браки за вѣру и отечество, далекое путешествіе, сѣянне и жатву, начало ученія и проч., словомъ, всякое доброе предпріятіе съ тою вѣрою, что успѣхъ во всемъ зависитъ не столько отъ воли и усилія людей, сколько отъ благоизволенія и помощи Божіей,—хочетъ также сопровождать своимъ освященіемъ всѣ потребныя для жизни нашей предметы—общественныя зданія и частныя жилища, корабли и разныя суда, колотцы, скотъ, сѣмена, плоды, брашна и разныя орудія и проч. — всѣмъ и всякая вещь можетъ быть съ пользою для человѣка не иначе, какъ по благо-

изволенію и благословенію Божію. Но не только Церковь, какъ общество, а всѣ истинные члены и сыны ея порознь, въ своихъ молитвахъ высказываютъ предъ Богомъ свои желанія и намѣренія, свои нужды и потребности, свои скорби и печали, съ тою твердою вѣрою, что Господь всегда близокъ къ призывающимъ Его, и что благодѣющая десница Божія сильна и скоро на помощь всѣмъ прибѣгающимъ къ ней: и нѣтъ мѣста на земномъ шарѣ, гдѣ-бы, и времени, когда бы отъ исповѣдающихъ Христа не слышалась явная или тайная молитва къ Богу во имя Его. Что же все это, какъ не самое живое выраженіе въ христіанствѣ вѣры въ Бога, какъ всеблагаго Промыслителя міра, особенно же, помощника и защитника человѣка?—Но есть еще въ церкви Христовой рядъ молитвъ, установленій и священнодѣйствій другаго рода,—именно, имѣющихъ характеръ покаянный съ цѣлію умиловленія правосудія Божія и примиренія съ Богомъ. Церковь постоянно молится, да и мы сами, коль скоро мы истинныя чада ея, молимся, *да не назоветъ насъ Господь беззаконій нашихъ и не погубитъ насъ съ ними*, но да проститъ намъ и очиститъ грѣхи наши, да пощадитъ насъ десницею своею и помилуетъ насъ милостію своею. Особенно же св. Церковь молится, и мы молимся объ этомъ, среди какихъ-либо страшныхъ бѣдствій—болѣзней, голода, опустошительныхъ войнъ, землетрясенія, наводненія, засухи и т. п., съ тою мыслию, что всѣ подобныя бѣдствія постигаютъ насъ за грѣхи и беззаконія наши, и съ тою вѣрою, что коль скоро Господь проститъ намъ прегрѣшенія наши, Онъ съ тѣмъ вмѣстѣ отвратитъ отъ насъ кару всѣхъ бѣдствій. Кромѣ такихъ молитвъ, Церковь еще заповѣдуетъ намъ прибѣгать,—и всѣ истинныя чада ея прибѣгаютъ,—какъ къ средству примиренія съ Богомъ и умиловленія правды Божіей,—къ покаянію, исповѣданію грѣховъ и пощенію; у нѣкоторыхъ же чадъ ея такъ глубоко сознаніе своей грѣховности и такъ высоко понятіе о

строгости божественнаго правосудія, что примиреніе съ Богомъ считаютъ они достижимымъ не иначе, какъ путемъ постояннаго подвига покаянія и пощенія, который потому и избираютъ удѣломъ всей своей жизни. Наконецъ, Христова Церковь не престаётъ совершать безкровную жертву тѣла и крови Христовой за грѣхи человечества, и всѣ истинныя чада ея возможно чада причащаются этой божественной жертвы для успокоенія своей возмущенной грѣхами совѣсти въ чувствѣ примиренія и единенія съ Богомъ. Все это вмѣстѣ не есть ли въ христіанствѣ самое живое и полное выраженіе той вѣры, что Богъ относится къ человѣку не какъ всеблагій только промыслитель благодѣющій людямъ совершенно безразлично, но и какъ моральный Судія и мздовоздаятель, что, сколько добродѣтель призываетъ на человѣка милость Божію, столько же грѣхи вопіютъ—на небо объ отмщеніи и наказаніи Божіемъ, словомъ, не есть ли самое живое выраженіе вѣры въ божественное моральное міроуправленіе?

Такая всеобщность вѣры въ Бога міропромыслителя и міроуправителя и особенная живость, полнота и крѣпость этой вѣры въ сознаніи и практикѣ высшей, совершеннѣйшей и благодѣтельнѣйшей изъ всѣхъ существовавшихъ и существующихъ религій—богооткровенной религіи христіанской, есть фактъ, представляющій, по нашему мнѣнію, самъ по себѣ достаточное ручательство того, что вѣра эта не ложна, что ей и въ дѣйствительности должно соответствовать божественное всеблагое міропромышленіе и высочайше моральное міроуправленіе. Но въ томъ и дѣло, что философствующее мышленіе, по видимому, болѣе всякаго другаго имѣющее право считаться самоотчетливымъ, послѣдовательнымъ, широкимъ и слѣдовательно истиннымъ разумѣніемъ вещей, далеко не всегда признавало, большею же частію, отрицало и нынѣ отрицаетъ основательность этой вѣры, и не довольствуясь однимъ отри-

цаніемъ, замѣняетъ эту совершенно иными, исключаящими ее, изъясненіями порядка и исторіи міра. Мы, такимъ образомъ, стоимъ въ настоящемъ случаѣ среди двухъ путей: на одномъ религія и ея носители съ постоянною и крѣпкою вѣрою въ Промыслъ Божій, на другомъ—философія и ея представители, отрицающіе эту вѣру, и, вмѣсто ея, дающіе, по ихъ понятію, болѣе разумное и менѣе таинственное изъясненіе вещей. Какой же изъ этихъ двухъ путей избрать намъ? Конечно тотъ, на которомъ больше свѣта и меньше тьмы, меньше извилинъ и обрывовъ, больше прямизны и сплошности. Философія именно говоритъ намъ, что въ ней нѣтъ никакихъ тайнъ, а напротивъ все ясно, что только ея путь ровный и гладкій, на которомъ нельзя ни заблудиться, ни оступиться. и что по немъ только можно достигнуть свѣта чистой истины. Посмотримъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

